

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Зияш, хозяйка.

Карлыгаш, работница.

Во дворе стоят детские качели. К ним выходят старая Зияш и молодая Карлыгаш. Карлыгаш трогает качели, они начинают двигаться и скрипеть.

Карлыгаш. Она сказала, моя дочка умерла. Упала с качелей в Алматы, упала головой вниз, умерла сразу, все подбежали, а она умерла. «Где тело, привезите мне тело, я хочу видеть», – я сказала так, я говорила, я плакала.

Зря она так сказала. Я слушалась ее, потому что знала: там у меня ребенок. У них ребенок мой, а я должна была их слушаться. И я слушалась. А если его нет, ничего не держит меня. Я вдруг стала легкой и безразличной, душа вверх-вниз, как качели эти, как алтыбакан¹ наш. У меня родители так познакомились в ауле – пошли гулять и попали на алтыбакан. Так у нас делают: все встают вперемешку в очереди, парни, девушки – и по двое попадают на алтыбакан. А там уж судьба. Мама потом родила меня и умерла, но это тоже судьба.

Зияш. Она мне сразу не понравилась. На груди висел кулончик с Кораном в зеленом бархате, купила по дешевке на чимкентском базаре, я знаю – а намаз ни разу не делала. Я сразу забрала у нее кулон, и серьги, и кольца – ничего

¹ Качели, национальное молодежное развлечение.

этого нельзя было у нас. Нацепят полумесяцы – а сами музыку сутками слушают, анау-мынау².

Я у муллы спрашивала, он говорил: «Остерегайтесь музыки, ибо она лишает человека скромности, разжигает в нем страсть и извращает его разум и сердце, словно это опьяненный человек!» Все правильно. Музыка – это голос шайтана. В моем магазине всегда было тихо, я следила, я знаю.

Карлыгаш. Деньги нужны были, у папы пенсия сорок тысяч тенге³, половину Базарбаю-ага отдает. Всю жизнь старшему брату прислуживал. На Востоке всегда так: если ты старший, тебе повезло, на всю жизнь повезло. Твои младшие братья обязаны тебе прислуживать, и дети их должны прислуживать твоим детям, и внуки их должны прислуживать твоим внукам. Дочка Базарбая Алма так меня гоняла: «поди-подай», «принеси», «отвези», а ведь младше на три года. Все было у нас расписано наперед, до самого конца – сейчас должна работать, чтобы учебу ее оплатить, а в старости я буду ходить для нее за лекарствами.

Тогда я и решила поехать в Москву. Я ведь думала: накоплю денег, куплю папе дом в области, и мы будем жить хорошо. Захотела судьбу изменить. Один раз ведь можно. Можно ведь один раз, почему нет?

Зияш. Амантай привез их вечером, прямо с вокзала, и я отправила на разгрузку. Там их три девочки были – Алия, Ботагоз и Карлыгаш эта. Она разговаривала громко – вот что мне сразу не понравилось. Сразу видно, южанка. И музыка эта из телефона. Будто иблис⁴ рычит.

Алия надорвалась. Ботагоз надорвалась... А эта держалась. Таскала ящики, не ныла, анау-мынау. И тогда

² Казахское слово-паразит (то да се).

³ Национальная валюта Казахстана.

⁴ Шайтан, злой дух.

я поняла: тяжело мне будет с ней. Только нельзя было этого показывать. Если им свою слабость показать, все пропало.

Я люблю свой магазин. Это второй мой. За первый посадили, потом выпустили по амнистии. Слава Аллаху, наверху все понимают, выпустили. Дешевый магазин, шаговой доступности, всем нужен.

Карлыгаш. Телефон забрала, паспорт забрала, кулончик и серьги, кольца забрала. Что я могла сделать? Она хитрая. Сказала: «В телефон симку положу, паспорт на регистрацию отдам, а кулончик с серьгами, кольцами нельзя, украдут». Все вернуть обещала. И ничего не вернула.

Я хотела на Красную площадь. Первым делом туда съездить – это же мечта моя. Только не знала, что как в тюрьму попаду. Только в тюрьме прогулки бывают, а у нас только магазин. Один магазин. Всего лишь магазин. Подсобка. Туалет. Прилавок. Подсобка. Прилавок. Туалет. Они туалет на ключ запирали. Ключ у старшей. Все по расписанию. Алия, то есть Аня, в первый день обоссалась. А Ботагоз на второй день уже не было.

Музыку забрали, и я пела. Сначала громко, а потом потихоньку. А потом уже внутри, про себя. Просто думала музыкой. У меня вообще голос хороший. В детстве «Азия Дауысы»⁵ смотрела, хотела туда попасть. Родилась бы в богатой семье – стала бы певицей.

Зияш садится на качели и показывает Карлыгаш, чтобы та тоже села. Карлыгаш берется за железный поручень, но не садится.

Зияш. Я Наташе сказала, чтобы не сразу била. Иначе работать не будет. С новенькими всегда так – нельзя сна-

⁵ Музыкальный международный фестиваль в г. Алматы.

чала, постепенно надо. Лучше других бить, только чтобы видели. Не в первые дни, а то сломаются, работники никакие будут. Я знаю – опыт. Да, бить других, давно которые, чтобы видели эти. Пусть привыкают. По-другому никак, анау-мынау.

Бить можно, нужно, важно. Здесь уметь надо, нельзя слабо, нельзя сильно, дни выбирать, время. Можно ключами, можно фольгой. Куском дерева в ящике. Пластмассой. Половником хорошо. Пока кровь не появится. Не могу без крови, баловство одно. У меня одна была, бледная всегда, я не знаю. Бьешь-бьешь – ничего. Потом поняла, в чем дело, – только поздно уже было.

Карлыгаш. Я спросила первую: «Как тебя зовут?» «Оля», – говорит. Я спросила вторую: «Как тебя зовут?» «Соня», – говорит. Я к третьей подошла: «Что?» Она не говорила. А потом хозяйка ее позвала: «Маша, сюда иди». А потом сказала мне: «А ты – Катя». И всем сказала, на меня показывала: «Это Катя». Такой порядок у нее. Я не знаю зачем, только это хуже кличек у собак. Мы казашки, маму Зарина звали, папа Жандос, дед Болат, прадед Кайсар, прапрадед Азамат... До седьмого колена обязаны знать, все казахи с казахскими именами.

Она давно в Москве, пятнадцать лет. Шала-казашка⁶. Северная к тому же. Видела таких в Чимкенте – приедут, «спишке», «семешке». Ну кто так говорит? Кто так говорит? Когда добрая была – по-казахски говорила. Когда била – по-русски. Первый раз избивала через неделю. Я помню хорошо первый раз.

Зияш. Вышла из подсобки, смотрю, покупатель клубнику ест. А она улыбается, анау-мынау. Угостила, думает, хорошо, думает, пойдут сразу, придут еще, придут другие. Труд мой, деньги мои, нервы мои! Клубника была красная – это кровь моя от маминых ударов. Ставила

⁶ Казахи, плохо знающие родной язык, обрусевшие (пренебрежительное).

к стене, голова прямо, кереге⁷ в спину, затылок упирается – и по лицу, чтоб отдача была. Так воспитывала.

Я подозвала ее вечером, спросила, зачем клубнику тратит. Улыбается. Неделя первая только, вот и улыбается. Расслабилась. Я взяла ключи и по лицу ее. Упала. Я по лицу ее. Она видела, как это делается, молчала. Важно, что видела, – так привыкают. К порядку привыкают. Только крови долго не было. Я старалась, тогда уж пошло. Она просто лежала. А я усталая была.

Карлыгаш. Каждый день кого-то била. Неважно кого, просто ей надо было. Сначала не боишься, а потом бояться начинаешь. Смотришь день, смотришь два, а через неделю уже боишься. Я не знаю, почему так. Уже ничего не хочется, лишь бы не били.

Если бы кто-то ответил, я бы тоже ответила. Если бы кто-то крикнул, я бы тоже. Но я ничего этого не видела. Никто и не думал. В моем дворе собака была большая, ее все дети пинали. Я маленькая была, думала, почему не кусает. Такая большая, здоровая, зубы острые, а балалар⁸ обижают. А потом поняла: ее щенком пинали, с рождения. Как родилась, и били, били, били... Она не кусается.

Зияш. Я прихожу к Оле – опять недостача. Позвала эту. Сказала: «Бей». Она стоит, не понимает. Я взяла рулон фольги, ударила Олю, отдала этой Кате: «Теперь ты». Она не хотела, я ударила ее саму. Тогда поняла. Взяла рулон, начала бить. Хорошо била, анау-мынау.

Посланник Аллаха сказал: «Наихудшее из того, что есть в мироздании, – это непокорная и строптивая женщина». Мулла наш поведал, в четвертой суре⁹ «Женщины» говорится, как надо поступать с такими, «нашиза»¹⁰ их называют. Знаю я, столько видела. Насмотрятся теле-

⁷ Деревянная решетка, образующая круглые стены юрты.

⁸ Дети.

⁹ Глава в Коране.

¹⁰ Непокорная, упрямая женщина.

визора, начитаются, наслушаются – и вот они уже с голым животом по улицам ходят. Увещевай, ласки лишай – не поможет. Наказывать надо. Только так, по-другому не получится. Иначе не выжила бы и магазин не сделала бы.

Карлыгаш. Я била Олю. Уж лучше ее, чем кто-то меня. Я старалась несильно, только не удержишься. Она еще смотрит. «До крови», – говорит. Я и старалась – до крови. Кровь на полу – тогда надо остановиться. Это первый признак, больше не надо.

Это потом она учила меня: «Всегда предупреждай, сколько ударов хочешь сделать». Пять, или семь, или десять, или двадцать. Это важно. В шариате так: муж не просто бьет жену, говорит, сколько раз. Так легче стерпеть. Когда знаешь, что тебя ждет, всегда легче. Пусть страшно, зато знаешь, когда это кончится.

А тогда она обняла меня. «Молодец», – сказала.

Карлыгаш садится в качели. Зияш смотрит на нее и улыбается.

Она богатая была. Очень. Эти рассказывали, а я не верила. Платье старое, платок старый, на шее бижутерия. Ест плохо, ничего не ест. Где деньги? В кассе мелочь одна, мебели нет. В подсобке ничего, старое, тухлое, грязное. Никуда не ходила. Рассказывали, у нее три квартиры в Москве – только я не верила. В магазине все время – у нее комнатка в подсобке была.

А потом мешок увидела. Мешок денег. Зашла к ней, она спиной была – я смотрю, несколько пачек с тысячами на полу валяются. Рубли. Она повернулась, подобрала. И в мешок сунула, в углу стоял. Большой мешок, целлофановый. И тут я поняла: там только деньги. Сколько таких пачек там может быть? Я всю ночь думала. Сколько?

Зияш. В Москве крутиться надо. Каждый день, каждый час, минутку каждую. Я сначала одна была, потом сестру перетащила. Вместе легче, без тыла никак. Только думала, сами справимся, силы есть, анау-мынау. Первый магазин, хороший, в Кустанае у себя ведь рынок целый держала, все спокойно, все как надо. Думала, и здесь так же, по-хорошему будет.

Только посадили меня. Я все нормально делала, только посадили. И я поняла: нельзя так, сила нужна, хорошая такая сила. Знакомый в милиции появился, земляк, мусульманин. Я к нему. Все хорошо стало. «Белый порошок» появился, еще лучше. Было опасно, только теперь не сажали. Потому что сила была, поддержка. Потом еще знакомый, еще договорилась. Деньги только давай им, продукты, еще что-нибудь. И все в порядке будет.

Карлыгаш. Они заходили часто, в форме даже. Я тогда не знала, как там да что. Верила, что жизнь устроена правильно. Приходили к ней, говорили: жители жалуются, или бомж опять от водки умер. Или избили кого-то, нашего или наш сам. Только по-доброму так говорили, лениво. Она им пакетик соберет – водочка, колбаска, помидоры, сырочек. Обедали они у нас, пили. Пили-пили, уходили.

Мы все на одно лицо, мы всегда будем для них на одно лицо. У нас один паспорт на всех был, правильный. Правильный, с регистрацией, чей-то, мы не знали даже чей. Приходил из ФМС, смотрел на нас, смотрел на хозяйку. Она давала этот паспорт. Когда я была за прилавком. И когда Оля, и когда Маша и Соня. Один паспорт, одно лицо. Все правильно, все оформлено.

Зияш. Я тоже как она сначала была. Думала, по-хорошему все будет. Только через месяц на меня в метро напали бритые и избили. Я поезд ждала, ничего больше, только поезд. Месяц в городе, туда-сюда, анау-мынау. Красная площадь, часы эти, огонь горит, родина, серд-

це тут, раньше так. А тут в метро, в метро тут. Другие стоят и смотрят, а я лежала, кровь была, и ходят вокруг. А я лежу.

С тех пор мне всегда один и тот же кошмар во сне: я в пустом вагоне, поезд на станцию, а там стоит и ждет толпа бритых. Весь поезд пустой, я одна – а там они стоят, сотни бритых. И вот двери сейчас откроются, и они забегут... Вот откроются. Откроются, а они за стеклом уже смотрят на меня, готовятся, ждут. И вот двери открываются... А я одна... И вот они... Аллах! Аллах! Не надо! Не надо! Я боюсь! Боюсь! Просыпаюсь...

Карлыгаш. У нее шрам на шее был, я увидела его. Мы вообще тональный брали, у нее много было. А вот много, а вот надо. Когда бьют каждый день, когда такое – надо мазать. Куча крема у нее, знала она: нужно. Мазали сами, друг друга мазали. И хозяйка сама тоже. Лежишь избитая, а она к тебе с кремом. И мажет. По-доброму, по-матерински так. Я ее апашкой¹¹ звала. У меня в Чимкенте апашка была, Алтынай, вместо мамы. А хозяйка мажет и говорит: «Нечего покупателей пугать».

Они приходят, всматриваются, молчат. Виноград, яблоки, морковь – только это надо. Одна только, Ирина звали. Увидела, спросила: «Муж бьет?» И яблоки выбирает. А я не говорила. Что тут скажешь?

Зияш. Без меня пропали бы все они, анау-мынау. Я еду давала, спать, защиту от полиции, от всех этих сильных, от людей. У Ани мать больная, у Маши жених в Рудном, Соня слабая сердцем. Только про Соню потом узнала, когда умерла уже.

Я говорила: «Все у вас будет. Квартира, машина, регистрация, будете как люди нормальные. Дом в Казахстане постройте, только работайте. Будет вам дом, три этажа, ковры персидские за десять тысяч долларов. Работайте

¹¹ Ласковое обращение к пожилой женщине, обычно к родственнице.

только. Видите магазин? Деньги в кассе видите, а в мешке? Про квартиру знаете? Я аульская, мама била, муж бил, ребенка потеряла, а вот видите? Муллу почитайте, намаз не забывайте, в Курбан-байрам¹² свое раздавайте – и работайте. День и ночь, месяц, год. Аллах не забудет.

Карлыгаш. Соню она сгубила. Сколько ей было? Я месяц работала, а она уже три. Только как будто нездешняя. Я думала, ленивая, сначала так думала. Все думает, долго так и медленно, все медленно делает. И хозяйка на нее: «Медленно, все медленно делаешь!» И Оля на нее, и Маша, и Аня, и я – нельзя выдержать. Всех наказывают, а она все медленно, медленно делала. «Я устала», – говорит. И сядет. Отдыхает, а мы нет.

И тогда вечером хозяйка больше всех Соню поила. «Пей», – говорит, а та не пьет. Руки скрутили сзади. «Пей», – говорим. Мы скрутили, нам хозяйка сказала. А Соня пьет водку, много выпила. Потом упала. «Болит, – говорит, – вот здесь». Хозяйка ее наверх отправила. Больше не видели. А потом я узнала: ей девятнадцать всего было.

Зияш. Это работа, это жизнь, все от Аллаха, значит, так надо. У меня брата в детстве перемололо комбайном в поле, все по-разному, у кого сердце, у кого кишки. Соня наверху умерла, легла и не проснулась. Бывает, жизнь простая, как баурсак¹³, круглая.

Я Серику сказала, ночью вынес, у мусорки оставил, нечего тут. Утром нашли труп, ко мне этот знакомый пришел, спрашивает: «Ваша?» А делайте что хотите, была работница – и нет ее, анау-мынау. Пришлось заново выписывать, новых привозить, а это деньги и силы, опять морока. Сразу две приехали, впрок – вдруг опять с сердцем не то? Я их в первый день сразу затаскала: и на кассе, и на погрузке, и ночью, не спать у меня – не спать!

¹² Один из главных исламских праздников, день жертвоприношения.

¹³ Казахское блюдо, небольшие пончики круглой формы.

Справились, крепкие, это правильно, вот и хорошо сразу стало.

Карлыгаш. Была Соня, а теперь две приехали. Младше меня, Таня и Лена. Наши они, Турсынай и Еркеш, только хозяйка сразу: «Таня и Лена». Их не били две недели. Меня неделю только, а для них две сделали. Смотрели пока, привыкали, что бьют здесь. Все равно куда деться? Побили их наконец – и сильно побили.

Я тогда еще про камеры не знала. Что камеры везде, даже в туалете, везде за нами, не укрыться. Хозяйка сидела у себя и смотрела, кто что делает, что происходит. А никто из девочек не сказал. Знали, не сказали. Три слова в день – вот что между нами.

Только в одной комнате не было камер. Там эти дела происходили после водки. Запускали, а там мужики. Я ничего не помню. Ничего не хочу помнить! Ничего!

Зияш начинает раскачивать качели, Карлыгаш прижимается к поручню, замирает.

В детстве я не любила качели. Меня тошнило, я боялась их. Не хотела, только приходилось. Туда-сюда, туда-сюда. У меня голова начинала болеть и подкатывало, я закрывала глаза, а так еще хуже. А как слезешь? Они качаются, качаются, качаются... Я сходила с них, меня шатало.

А отказаться нельзя – подружки смеются, мальчики смеются. Мне Ермек нравился. В асыки¹⁴ всех делал, чемпион двора был. И я смелая была при нем тогда, на качелях. Когда мне страшно, я смелая. В магазине снова трусихой стала. Я долго трусихой была – два года где-то. Потому что ребенок был – боялась. А когда не стало – смелость появилась. Когда нечего терять, всегда смелость. И я посмела.

¹⁴ Старинная казахская игра в кости.

Зияш. Я Наташе всегда говорила: «Ты следи». Она все помнила, кто на каком месяце. Я знаю порядок этот. Кому близко уже, попроще работа. Все дела эти, контроль всегда, анау-мынау. Я не против детей, пусть будут, работники. Все стерпят, вынесут да сделают. На ночь просрочку давала балалар – пусть перебирают. К труду приучать, потом спасибо скажут. Будут на меня работать и благодарить. Никакой лени, день и ночь, месяц, год и дальше, на все воля Аллаха.

Беременным пальцы не ломала. Я знала, кому можно. Родила – отдых, гречку два раза в день кушаешь. На разгрузку не посылала, ключи от туалета всегда, знаю я, анау-мынау. Один раз Наташа забыла, да я одну сильнее, чем обычно, – и ребенок того... не получился. Что делать, судьба, значит, молодая, еще родит.

Карлыгаш. Наташа дольше всех была. Еще в том магазине, первом, была. Наргиз ее звали, из Ташкента, Наташей стала. Ей хозяйка доверяла, мало била. Я сразу заметила: меньше всех ее бьют. И деньги на руках. К кассе доступ, сына своего чаще других видит. Приводили его, ноги-крюки, болел он, рахит. Четыре года, а разговаривать не умел.

Там все болели. Я за Айжан свою боялась. А я ведь не хотела сначала, думала: «Как получилось так?» – все думала. Мы пили, каждый день пили, не хотели – пили и хотели – тоже пили. Иначе не выживешь, тяжело все. И тогда хромой Серик опять водку предложил. Я не хочу, а он говорит: «Пей». Я выпила, потом еще выпила, потом еще. А потом уже не помню. Так Айжан появилась. Я боялась, что больная будет, спяну ведь. В Чимкенте такого дразнили, он козявки свои ел. И какахи черепашки... и какашки черепашки тоже ел. Дети были, глупые.

Зияш. Три месяца всего прошло – у нее началось, беременность эта. Серик постарался, вроде он, уж не знаю

точно. Ладно, водку не пей, ладно, бить меньше буду, ладно, спи – ладно, ладно, анау-мынау. Все делала, только потом спрашивала с них: «Приплод мой». У Оли уже девочка, у Маши мальчик, Аня готовится. И Катя, Карлыгаш эта.

Я спросила ее: «Неке¹⁵ хочешь, обряд нужен?» Да и не спрашивала, видела, пусть Серик будет. Позвала муллу своего, не в первый раз, он прочитал как надо, и Катя с Сериком теперь была. И мне как-то спокойней стало, порядок, мужняя жена, без глупостей. Я знаю, как семья есть, так и мыслей шальных нет. Я всех так, если нужно было, от девушки еще зависит, я смотрела. И хотя не нравилась она мне, надо было сразу на сторону продать, да пожалела ее. Без матери росла, как я без отца. Хоть и южная, чимкентская, а пожалела.

Карлыгаш. Жизнь проста. Магазин простой. Да, живете, дома кушаете, утром хлеба нет, спустились, а тут в торце, на первом этаже – наши «Продукты». Взяли хлеба, молока, вернулись обратно. Муж, жена, дети. Рядом они, рядом мы. Я бы тоже так хотела – муж, жена, дети. В саукеле¹⁶ на свадьбе, тумарами¹⁷ обвешаться, и папа чтоб рядом был.

А тут пришлось неке по-простому, в подсобке. А тут пришлось спать стоя. Забеременела, спать хочу больше – за прилавком спала, стояла и спала. Приходят, спрашивают лук, огурцы, капусту, потом в молочку перевели, там полегче. И все равно стояла и спала. На Серика смотрю, ну что поделать, другого не было. Без мужа в магазине плохо, ты нечистая, без мужа – это страх. В ту комнату запустят после водки... И не раз.

¹⁵ Обряд бракосочетания по религиозным канонам ислама.

¹⁶ Казахский женский головной убор свадебный.

¹⁷ Восточный талисман-украшение.

Карлыгаш, сидя на качелях, гладит себя по животу. Зияш смотрит на нее угрюмо.

Карлыгаш. Она их наверх сразу забирала. Родила – и все, как будто и нет ребенка, и не было, и не будет. Айжанчик моя, айналайын...¹⁸ И по документам всех на себя писала. У хозяйки тридцать детей – все наши, забирала себе на будущее. Те работали, в два-три года уже просрочку перебирали. Они как мы. Приводили, я смотрела на них и себя видела. Она их тоже была.

И я поняла, первый раз поняла. Когда родила, когда забрали, когда показали – поняла. Думала, в Москву приеду, здесь по-другому будет. Не буду прислуживать, как Алме, а дети мои не будут прислуживать детям Алматы будущим. На Востоке все решено, до самого конца. Думала, здесь другую судьбу найду – а опять как прежде. Я служу, Айжан будет служить, и дети ее, мои внуки... Почему?!

Зияш. Я не считала, сколько их было. Десять, двадцать, еще в первом магазине заводили, куда деться? А потом решать надо было. Кого здесь оставить, кого в Казахстан, кого к нищим тут сразу, на работу. У меня в Кустанае родственники старые, просили кого-нибудь – молодые ведь нужны, чтоб за стариками следить. Я выбирала, выросли, я выбирала и отправляла на родину. Работники всегда нужны, анау-мынау.

Айжан год исполнился, отправила. Чтобы маму не тревожить, знаю я, видела я, Катя сама не своя, работает плохо. Ждет и ждет, ждет и ждет. Тут перевес, там обсчет – а все из-за дочки. Я Амантаю – он взял Айжан, еще двоих – и в Алматы. Там одна померла сразу, Айжан и еще один остались. Они у Сакена жили. Кто спрашивает? У нас никто не спрашивает – чем больше детей, тем лучше.

¹⁸ Милый, любимый, хороший (ласковое обращение, преимущественно к детям).

Карлыгаш. Их приводили раз в месяц. Один раз в тридцать дней видела дочурку свою, Айжанчик, кишкентай¹⁹, айналайын, свет мой, счастье мое... На руках держала, песню пела сладкую. «Пойдем на Красную площадь? Пойдем?» Она кивала, не улыбалась, но кивала. А улыбки не было. Не научилась она.

Дети, дети, дети... Солнца нет, воздуха свежего в квартире, к батарее привязывали, так легче, они ползали. Няня была, Зухра, с каменным зубом. Зуб из камня, орехи грызла, суры читала. Она няня Бахи была, а тут так получилось, что и остальные рядом. Баха, племянничек хозяйки, мерзкий Баха. Хозяйский он – а мы, и дети наши, и внуки под ним, значит. Шесть лет всего, а хочет – поколотит, хочет – брови кому-нибудь сбреет.

Зияш. Сын Айгуль, сестры моей, умный Баха – он к школе готовился. В Англию его, да, анау-мынау. Мы уже не можем, а дети наши, внуки достойны, лучшего достойны. Я когда в тюрьме сидела, о многом думала. Они другие должны быть, не как мы. У них все должно быть лучше. Еда, одежда, кровати, наушники эти, деньги – больше должно быть и лучше. Только про Аллаха не забывать. Я муллу спрашивала – он объяснял. На звезды показываешь, на деревья показываешь, на реку показываешь и говоришь: «Все это Аллах сотворил».

И я объясняла Бахе про «калимаи тавхид»²⁰, символ веры нашей. За все плохие деяния придется держать ответ перед Аллахом. Он знал, что халяль, а что харам²¹.

Карлыгаш. По ногам пинал, в лицо плевал – а только терпеть надо. Ему можно, это Баха. Дети привязанные были к батарее, а он ходил и в рот им плевал. Они привязанные, а он веревки эти тянул и душил их. Не могли от-

¹⁹ Малыш, малышка.

²⁰ Одна из главных молитв в исламе, признание.

²¹ Дозволенное (халяль) и запрещенное (харам) в шариате.

ветить, а он хлестал их мухобойкой, как мух. Я не видела все это – я знаю.

Потому что хозяйский он, все повторял. Она била нас, ругала, плевала, стригла, водой холодной обливала, в чулане держала, землей кормила, пол лизать заставляла, а он видел все, рядом был. И с детьми нашими делал точно так же все – ругал, плевал, стриг, водой обливал, запирали, землей кормил, пол лизать заставлял. Они болели, а он здоровый был. Айжан маленькая еще была, а я уже боялась.

И когда увезли ее, я почуяла. Хозяйка сказала, что в надежном месте она, на родине. Я поверила. Поверила, что в надежном. Потому что там ведь лучше, чем здесь.

Карлыгаш дрожит на качелях, качели качаются. Зияш держится за поручень и смотрит угрюмо.

Опять мрачно стало. Три слова в день – вот что между нами, в магазине. Я петь любила, музыку слушать – нельзя ни то, ни то. Так поговорить, что ли... Сначала к Оле подойду, к Маше, Тане, Лене, Ане – ничего. Месяц, два, а потом вроде привыкаешь. И не нужно это. Устаешь. Ничего не нужно, никаких слов, да и зачем?

И Серик тоже, нелюбимый. Он хромой почему – думал, что в детстве ишак на ногу наступил. Так ему хозяйка сказала. Мне говорил. А потом он как-то выпил много водки, больше, чем обычно, и вспомнил. Его избили в магазине как-то очень сильно. Амантай ему на ногу ящик с картошкой бросил, двадцать кило. А он забыл и хозяйке поверил. Мы говорили, муж и жена, говорили мы по ночам, он обнимал, а потом мне тошно стало. От него, от водки, от работы, от людей.

Зияш. Я знала, чего хочу. Мечеть построить – вот мечта была. Мечеть... мечеть в родном ауле, в Кустанайской

области, где и ата мой, и коке, и ага²². И магазин, и «белый порошок», и водка за тридцать рублей – все для этого. Копила, дело жизни всей, анау-мынау.

Аллах меня в Москве нашел. Не верила, не хотела, не думала, все сама, сама. Дом себе построю, ковры персидские, квартиры купила на будущее. А тут мулла появился, Коран появился, в мечеть пошла московскую. И все получилось. В Казахстане от Аллаха бегала – а он тут меня нашел. Я сон видела – ко мне отец приходил, в руках часы держал, сказал: «Рабыня родит себе госпожу». И я поняла – не уйти мне от Аллаха, общается он.

Карлыгаш. С ума можно сойти. Через полтора года с ума стала сходить. Айжан нет. Серик глупый. Подсобка. Туалет. Прилавок. Подсобка. Прилавок. Туалет. Туда-сюда. Как на качелях, в две стороны только. И кровь каждый день. Не сойдешь, никак не сойдешь, не уйдешь, не выйдешь – Айжан у них, солнышко мое. Дети как заложники, ничего матери не сделают, пока детей держат, все боятся – не за себя, за детей. А потом хозяйка телевизор купила, хитрая.

Купила и включила – и мы про все забыли. В сериал играть начали. «Великолепный век» смотрели про жизнь во дворце. У всех роли были. Я – Хюррем, Оля – Гульфем, Маша – Фатима, Таня – Михримах. И Лена – Бейхан. Там все красивые были. Слова у нас появились. Разговоры.

Легче стало. Так казалось.

Зияш. Я у муллы про женщин спрашивала, и он говорил о киямате²³, о том, что много женщин – это плохо. Когда женщин станет в пять десятков раз больше, чем мужчин, – тогда конец света и наступит.

И я не жалела их. Женщин нельзя жалеть – сама женщина, знаю, все сама прошла. Мать моя была меня, ба-

²² Перечисление наименований мужских родственников в Казахстане: дед (ата), отец (коке), дядя (ага).

²³ Судный день в исламе.

бушка моя била маму. Я воспитываю. Не надо «рахмет»²⁴, не надо «жаксы»²⁵, «тамаша»²⁶ не надо, анау-мынау – я воспитываю. Ключи от туалета не даю, пусть ссутся – воспитываю я. Сильнее будут, как я, еще сильнее, чем я. Я сильная – муж бывший говорил, не казашка я. Где слабость, покорность, мягкость, где она? Я другая казашка.

Карлыгаш. Я как-то села у прилавка, потом прилегла на полу. Лучше бы стоя спала. Не хотела – уснула. Просыпаюсь – голове больно. Покупатель стоит, нога его рядом. Он ногой меня по голове ударил. Думал, капуста в мешке лежит. А это в платке голова моя. Мы все платки носили. Я не любила платки – пришлось.

А как иначе, если острижена вся? Хозяйка делала, откуда все это придумала, не знаю. Только по пятницам собирала всех нас. И одну за другой стригла машинкой. Порядок такой. Без кос, ничего, только «ежик». А у нас позорно так ходить, выглядеть так – там наша энергия, красота, молодость хранится. Там, в волосах, связь с предками, там дети наши будущие, там Тенгри²⁷, небо наше.

Зияш. Кто придумал это Тенгри? Мулла качал головой, сердитый был, я ему про небо рассказывала, про кочевников, про шаманов аульских. Были казахи язычники, стали мусульманами – а теперь опять язычники? Нехорошо.

Мой мулла старый был, как я люблю. Не люблю молодых. Насмотрелась. Жадные, только из-за денег идут, без души, без Аллаха в сердце. Знают только: свадьба – это деньги, похороны – это деньги, любое мероприятие – это деньги хорошие. Машину новую купил – и тут мулла нужен, через обряд машину провести. Деньги, значит. Анау-мынау.

²⁴ Спасибо.

²⁵ Хорошо.

²⁶ Прекрасно.

²⁷ Верховное языческое божество у древних тюрков.

И вся молодежь наша такая: кто поумнее – муллой или чиновником, а кто поглупее – в полицию.

Высечь бы их всех.

Карлыгаш. Оля не хотела стричься. Она уже Гульфем была, красивая такая, с волосами, а тут опять жума²⁸, «пятница лысая», так мы называли. Ее тогда высекли и наголо постригли. Не «ежик», как обычно, а наголо просто, бритая совсем. Она молча платок надела и спать пошла. А утром выходим – в коридоре Оля повесилась. Прямо в подсобке взяла и повесилась. Хозяйка сказала, что это из-за телевизора, и забрала его.

Без телевизора опять плохо стало. Били, пили и молчали. Я работала, потому что Айжан моя в Казахстане была. Я здесь – она там; и никуда не деться. Можно было уехать, хозяйка говорила: «Отпущу – кто хочет?» Никто не хотел, потому что зарплату не платили. Она обещала выплатить все – только потом. Я считала, у меня много уже должно было быть. За два года – много. Только пока ни копейки на руках не было.

А Олю на мусорку выбросили.

Зияш сходит с качелей, встает рядом и начинает их медленно раскачивать, как детскую люльку. Карлыгаш сидит, смотрит на хозяйку и держится за поручень.

Зияш. Перед концом света люди будут желать смерти и завидовать мертвым. Время такое, оно выбрало нас, все под Аллахом ходим, единым, милостивым, всемогущим. Расплата наступает рано или поздно.

Зачем им деньги? Я первые пять лет в Москве без денег была. Только товары – никаких денег. Взяла товар – продала. Потом купила еще – больше взяла. Еду не брала –

²⁸ Пятница.

меняла. Мне деньги не нужны были. И им не нужны. Еда есть, жить есть где, спать.

Будет и дом, и гражданство, и машина, все будет. Работать только надо. Я работала день и ночь, с утра до вечера – и они должны. Кто до конца дойдет – тому все достанется. Мне же досталось, анау-мынау.

Карлыгаш. Мы ели плохо. И плохо, и мало, и редко. Один раз в день, утром. «Доширак» просроченный, мы только просрочку и ели. Утром проснешься, платок наденешь, в туалет один раз сходишь и кушаешь три минуты. Нельзя больше, три минуты – и все. Соня умершая все медленно делала – и ела тоже медленно. Амантай подходил к ней и в затылок тыкал: «Быстрее, быстрее». Мы обжигались, ели, быстро ели.

Ложились в три, вставали в шесть. Три часа я спала, Маша спала, Таня спала, Лена спала, Аня спала. А Наташе пять часов можно, старшая, заслужила. Хозяйка мне говорила: «Отработаешь пять лет, можешь пять часов спать».

Я думала: «Выйду когда-нибудь и первым делом выплюсь».

Зияш. Расходы сплошные – у всех рты, у всех желудки. Ментам отдай, ФМС отдай, от тюрьмы спасай. Вышел Серик, говорю: «Далеко не ходи», все равно пошел. Там пошел, здесь пошел – его и остановили. «Чей ты?» – спросили. Он и привел их ко мне – опять деньги, анау-мынау. Я за всех в ответе, все сама решать должна. Им хорошо – работай да молчи, спи да ешь. Разве плохо? Я сама им Аллах, да простит меня Аллах.

Я им сразу сказала: «У меня безопасно, хорошо у меня, надежно у меня». Они не верили, деньги хотели. Потом как-то ночью стекла нам разбили, ящики вокруг магазина подожгли нацисты эти, бритые эти. И тогда мои поверили. Не меня надо бояться, а тех, кто вокруг.

Карлыгаш. Как-то Маша захотела себе деньги взять. Открыла кассу и пару тысяч взяла. У нее день рождения

был. Хозяйка узнала, злая была. Избили Машу. Нет, не просто избили, а как любят – высекли. У нас стол специальный был для этого – раздевают, на живот кладут, привязывают голую и секут. Мы секли – Таня, я, Наташа, Лена, Аня, Серик, Амантай, – а хозяйка смотрела.

Маша тогда пошла выпила таблетки, чтобы уснуть навсегда. Но ее откачали. И опять высекли. Мы секли – Таня, я, Наташа, Лена, Аня, Серик, Амантай, – а хозяйка смотрела.

Маша тогда уксус выпила и сожгла себе все внутри. Ора-ла громко, а хозяйка тишину хотела. «Врачей нельзя», – сказала. Отправила ее быстро домой, в Казахстан – а Маша в поезде умерла.

Только потом еще две приехали – Света и Лиза. То есть Сауле и Ляззат.

Зияш начинает сильнее качать качели, Карлыгаш еле держится, хватается двумя руками за поручень.

Зияш. Построю мечеть – только этим жила. Накоплю, уеду, магазин оставляю – сестре оставляю, пусть следит. А мне хватит, наработалась, натерпелась, настрадалась, анау-мынау.

У меня бессонница была, спать не могла уже шесть лет. Шесть лет не спала, ночью камеры включу и смотрю, что в магазине делается. Смотрю, как все работают, а потом смотрю, как все три часа спят. Они спали, а я нет. И я сказала: «Вы много спите, будете два часа спать». Я могла не спать, и они могут не спать.

Один раз только уснула – и тогда отец приснился. Да, тогда с часами, сказал: «Рабыня родит себе госпожу».

Карлыгаш. Маша хотела гражданство. Хозяйка обещала всем. Маша говорила: «Буду сильная тогда. По улицам гордо ходить».

Соня хотела машину свою. Хозяйка всем обещала. Соня хотела быстро ездить. Быстро-быстро.

Оля хотела. Хозяйка всем...

Я хотела. Оля хотела. Маша хотела. Соня хотела. Оля хотела. Маша хотела. Я хотела. Что я хотела? Что я хотела?..

Зияш. Я подозвала эту и сказала, что Айжан умерла.

Карлыгаш выпадает из сильно раскаченных качелей прямо на землю. Зияш смотрит на нее.

Я уже так говорила: «Упала и разбилась». У Наташи первый ребенок был – он первый с качелей в Алматы и упал. Так я говорила. Меня в детстве мама в город повезла, в гости – я во двор вышла. Там дети на качелях катались, и один упал – головой вниз упал. Все испугались, а я смотрела. Кровь была. Я эту кровь на всю жизнь запомнила.

Деньги там хорошие были. Дети хорошо идут, не знаю, сердце, печенка, анау-мынау. Айжан увезли, я деньги получила. А этой сказала: «С качелей упала». Я своей сестре говорила: «Больше всех тебя люблю». А ребенка можно нового родить, а мужа можно нового завести. Аллах поможет.

Карлыгаш. Она брала телефон и раз в месяц звонила в Казахстан. И раз в месяц я слышала голос Айжан. Два месяца прошло, а она не звонила. Я спрашивала. День отработаю, ночь отработаю, водку выпью и спрашиваю. Третий месяц пошел, и я спрашиваю уже без водки. И тогда она подозвала меня и сказала про Айжан.

Я плакала, а она рассказывала про Чингисхана. К нему пришла женщина, попросила освободить родных: мужа, брата и ребенка. А тот сказал: «Выбирай одного, остальных казнь». И женщина выбрала брата. Потому что ребенка можно нового родить, мужа можно нового завести.

Только я одна в семье была. Ни брата, ни сестры.

Зияш. Тогда плохие недели настали – продажи плохие, денег мало, а еще отдавать на сторону надо. Менты придут, ФМС придет, бандиты придут, анау-мынау. Были мешки с деньгами, стали пустые мешки.

И тогда я собрала всех в подсобке, на молоко показала и сказала: «Сливайте в ведро». Все мои взяли по пакету молока, открыли и в ведро слили. Потом еще, пока полное не стало. Я вышла и вокруг магазина стала лить, землю поить молоком. Мама моя, родные мои, аульские мои выходили так с молоком из юрты и в землю лили. Щедрость просили, урожай просили, деньги просили. Аллах все видит.

И сразу же стало хорошо.

Карлыгаш. Я узнала про Айжан и день как пришибленная ходила. День, два, неделю, месяц. Я не спала, я звала ее. Я думала, кем стала. По кругу верчусь на площадке этой. День и ночь, утро, вечер. Подсобка. Туалет. Прилавок. Подсобка. Прилавок. Туалет. Я дом хотела, семью хотела, на Красную площадь хотела. А ничего нет.

Я потеряла маму. Я дочку потеряла. Меня отрезали с двух сторон, ничего совсем. Пусть я умру, ничего не надо, я хочу на волю, ничего не надо, я хочу на волю, ничего не надо. Я не Катя. Я не Катя. Меня зовут Карлыгаш! Меня зовут Карлыгаш!

Карлыгаш встает рядом с качелями, смотрит на Зияш. Та стоит рядом с качелями, смотрит на Карлыгаш.

«Карлыгаш»²⁹ – это «ласточка». У меня девочка в школе была, Раушан, злая-злая. Она животных не любила, особенно птиц. Я говорила ей: «Не убивай их». Она голубей ловила. Я говорила: «Не убивай их!» Она воробьев пинала.

²⁹ Ласточка.

Я говорила... Она во дворе поймала ласточку, задушила, а через два месяца от аппендицита умерла.

Я стояла за прилавком, а потом на пальцы свои посмотрела. Папа хотел, чтобы я на домбре научилась играть. Купил домой домбру, а я говорила: «Потом, потом». Посмотрела на свои пальцы, а они кривые, как турецкий меч моего дяди Ардагельды. Сломанные. Это душа моя такая. Не поиграешь на домбре с такими пальцами и музыку не услышишь уже с такой душой.

Зияш. Большой палец я никогда не трогала. Басбармак³⁰ беречь надо, там удача казахская. А другие пальцы – для воспитания.

Я зря не наказывала. Если ломала пальцы, значит, за дело. Значит, плохо себя ведешь, значит, работаешь плохо, значит, Всевышнего разочаровала. Мне мулла сказал: «Лень – товарищ иблиса». А я им из Корана читаю: «Неужели вы думали, что войдете в рай, когда Аллах еще не узнал усердствовавших и терпеливых из вас?»

Терпение и усердие – вот что я люблю. Я вижу, старается, вижу, что хочет, хочет машину, дом, квартиру, гражданство, ковры персидские – и тепло на душе становится, мягко. Только мало таких. Нет таких.

Карлыгаш. Она вечером собирала нас и учила. Мы сидели еще не пьяные, еще не битые, а она говорила, учила нас. Коран читала про терпение и труд, любовь и радость, еще там. Она прощения просила, плакала, обнимала. Такая она была. Аня верила, Наташа верила, Таня, Лиза, Света, Лена – все верили. И я раньше верила. Глядела на нее как на апашку. Она говорила, что старается. Достанет кольца, серьги и на всех надевает. Целует, гладит по голове лысой. Плакать разрешала. Мы ведь плакали, только когда она скажет. А если заплачешь в другое время, бить будет. Она говорила: «Не плачь – глаза выколю».

³⁰ Большой палец.

А теперь она Коран читала, а я смотрела на нее и Айжан свою видела. И понимала: уходить надо.

Зияш. У меня еще в первом магазине бегали. Всегда так: найдется одна, которая начнет так думать. Бьешь всех, учишь всех, порядок, анау-мынау. Только денег хотят, детей видеть хотят, на Красную площадь хотят. Опять бьешь всех, учишь всех, порядок, анау-мынау. И спокойно становится. Водка, мужчины, наказание. И Аллах в помощь. Тихо, спокойно тогда. Только самой успокаиваться нельзя.

Я сидела у себя и смотрела, кто с кем разговаривает. За прилавком, в подсобке, в туалете. Три слова в день – вот что между ними можно было. Были у меня киргизки. Работали хорошо, терпели хорошо. А потом собрались и сбежали. Просто начали говорить, думать, жалеть друг друга. И сбежали, сволочи.

Карлыгаш. Я к Ане подойду, к Тане подойду, к Серику подойду, к Лизе, Лене и Свете подойду. К Наташе нельзя, хозяйская она. Пятнадцать лет в магазине, уже душа другая – я чуяла душу ее. Аня молчит, Таня молчит, Лиза, Лена и Света молчат, а Серик отворачивается. «Хочешь водку?» – только и всего от него.

Я ночью говорю ему: «Ты ведь водитель был». Он сначала водитель был, в город ездил, документы были, правильный был. Что хотел, делал, ездил везде, пиджак носил, зарплату получал. Потом хозяйка попросила, он ящички таскать начал, водку пить, в магазине спать. Машины отобрали, он ездить перестал, гулять перестал. Ящички грузил, денег не видел, пиджак выбросил, документы отдал. А теперь полы только мыл, водку пил – стал никем. «Хочешь уйти?» – «Не хочу», – сказал.

Зияш. Мне мечеть надо достроить, деньги нужны были. Все больше и больше денег, в мешки складывала, отправляла. Зарабатывала – отправляла. Занимала – от-

правляла. На своих смотрела, кто как работает, кто чего достоин, – и разговаривала.

Я Ане говорила: «Ты старайся. Красивая, молодая – ты старайся». Водки давала, в комнату запускала и говорила, чтобы старалась, анау-мынау.

Я хотела хороший магазин, правильный. Без порошка белого, без водки, без мужиков. Если бы законы были нормальные, если бы полиция, если бы власть. Никто не мешает. Сколько заработаешь – все твое, все от тебя зависит. А только не так все устроено. Не так.

Карлыгаш поворачивается спиной к Зияш, отходит от качелей, начинает ходить вокруг. Зияш угрюмо смотрит на нее.

Карлыгаш. Я уже вещи собрала и все обдумала. Страшно было, да только обдумала я все. Без документов никуда уехать нельзя. Без денег нельзя. Помощь нужна. Куда идти, если помощь нужна?

Я в подсобке собралась, за прилавком Таня, Лена с Лизой стояли. Наташи не было, Амантай по делам поехал, Серик водку наливал, и я вышла. Глянула вокруг – зима. Снег идет, люди идут, и я иду. Воздух свежий, дороги белые, а я думаю: «Где я раньше была?» Свобода – это когда можешь пойти в кино или во двор, когда сам решаешь, что кушать – плов или суп. Я на следы свои на снегу смотрела и радовалась: «Это мои следы, мои!» Я что-то свое оставляю. В магазине я чужой была, а здесь все мое – руки, ноги, лицо, сумка, одежда моя. И следы.

Потом увидела полицию и пошла туда.

Зияш. Я наверху была, пришла в магазин, смотрю – Кати нет. Таня работает, Лиза и Лена работают, Серик пьяный, Амантай на рынке, Наташа наверху. А Кати нет.

Я к себе пошла, камеры включила и начала смотреть, что было. А вот она – вещи собрала и ушла. Жезокше³¹.

Она не должна была. Я знала, опыт, анау-мынау. Только первые полгода хотят домой, хотят на улицу, хотят денег, хотят чего-то – а потом привыкают. Я Наташу через три года сама отпускала. Потому что знала: вернется, как собака. И не подумает уйти. Все сделает, что скажу. А эта – шайтанское отродье.

Я вышла к прилавку – Тане двинула, Лене двинула. Пусть все смотрят. Я крови хотела, Аллах просил.

Только мне тут позвонили.

Карлыгаш. Я в полиции сидела, заявление писала. Тут полицейский стоял, там другой сидел, улыбались даже. Я писала, что бьют, что денег не дают, документы забрали, что детей убивают, на органы продают, про наркотики писала, про трупы на мусорке писала. Про бомжей, которые от водки нашей умирали, про еду просроченную. Как Соня умерла, как Маша умерла, как Оля умерла. Я про все писала. Они улыбались – и я улыбалась.

Потом я ждала и думала, что делать буду. Паспорт вернут, деньги вернут, я домой поеду, к папе. Буду спать долго, музыку слушать, домбру в руки возьму. Работать буду нормально, не нужен дом, не нужна машина, не нужны деньги. Семью хочу и ребенка еще.

А потом дверь открылась – и хозяйка с Амантаем зашли.

Зияш. Участковый сказал: «Что, сама не можешь?» Я сказала, что не уследила, деньги принесла, еду принесла. У нас всегда уговор был, помощь, выручка. Они сказали: «Сама разбирайся». Я понимаю – дел много, трудно. Уж лучше я, а еще Рамадан³² наступил – разве люди не должны помогать друг другу?

³¹ Шлюха.

³² Месяц обязательного поста у мусульман.

Мы с Амантаем забрали ее – шли по дороге, я ругала ее: «Зачем ты так?! Ну зачем ты так?! Я с добром к тебе: и кушаешь, и работаешь, Коран узнаешь, уже намаз научилась делать. Ну зачем ты так?!» Я говорила: «Деньги отдам, когда захочешь, и к папе поедешь, и на Красную площадь. Это из-за дочки, ты ведь все это из-за дочки».

Мы пришли в магазин, и я наказала ее.

Карлыгаш. Они раздели меня, к столу животом вниз привязали, пошевелиться не могла – и побили. Так я вечер на столе была, потом ночь, а потом еще и день – я привязана была, голая совсем. Мне холодно, на коленках занозы, пить хотелось. А вокруг ходили и иногда били меня. Хозяйка всем сказала: «Подходите, бейте». И даже Серик. Он больше всех старался, муж мой бывший.

Вечером отвязали, я лежала два часа, а потом работать надо. Все полы вымыла, все вещи постирала, всем водки налила. За прилавок встала, а хозяйка цепью меня приковала, к ноге моей, так я и работала.

Тогда Рамадан был – месяц милосердия.

Зияш берет Карлыгаш за руку, ведет обратно к качелям. Та покорно садится.

Зияш. Надо было сразу продать ее на сторону. Как убежала, хода нет, назад нельзя, а то другие будут думать, мысли полезут ненужные. Катя, как овца паршивая, всех заразить могла. Я киргизок своих сразу вспомнила. Убежали, потому что вместе задумались. Так что продавать ее надо было сразу. Да пожалела опять ее. Я всех жалела.

Мулла говорил мне: «Аллах тебя не забудет, доброе дело делаешь». Мечеть построить – это я ведь здесь, в России, научилась. Здесь если хотят храм, то всем миром собирают, кто сможет, столько и даст, а еще богачи церкви строят, анау-мынау. А у нас ленятся и не думают,

что самим можно, что от тебя все зависит. Хотя в хадисе³³ сказано: «Тому, кто воздвигнет мечеть ради Аллаха размером с гнездо птицы или же меньше, Всевышний построит дом в Раю».

Карлыгаш. Я месяц так работала. Рамадан шел, а я цепью прикованная за прилавком стояла. Цепь и не видел никто, внизу шла она. Утром Наташа наденет, а вечером снимет. Я стояла продавала так.

Ко мне женщина зашла с ребенком, все кричала на маленькую – в России всегда мамы на детей кричат, нигде так не видела. Злятся на детей, кричат, толкают, и громко все. И громко кричат: «Можешь успокоиться?» Сами беспокойные, кричат на детей: «Можешь успокоиться?» Громко.

Девочка на конфеты смотрела, я Айжан вспомнила, спросила: «Хочешь конфеты?» И мама сказала: «Ладно, дайте конфеты». А они наверху стояли – я про цепь забыла, полезла и упала.

Зияш. Рамадан кончился, на Ураза-байрам³⁴ всех позвала. С утра в мечеть сходили, а потом у меня все сидели – мулла мой, друзья, полицейский из наших, девочки ходили, пили мы, дети сладости кушали, Баха-проказник бегал. Много наготовили: бешбармак был, баурсаки, айран, даже курт и иримшик³⁵, анау-мынау. Для Аллаха ничего не жалко.

Потом ушли все, я девочек собрала, Коран им почитала, намаз все вместе сделали. Я их всех люблю. Наташе кулончик подарила, Ане и Лизе – колечки, Свете – цепочку. А Кате – сережки. Ты уже здесь два года, юбилей. Я никого не забываю – кто сколько в магазине, всегда помню. Всех отмечаю, я всех люблю.

³³ Предание о поступках и высказываниях пророка Мухаммеда.

³⁴ Исламский праздник, отмечаемый в честь окончания поста в месяц Рамадан.

³⁵ Перечисление казахских национальных блюд.

Карлыгаш. Она мне сказала, не будет больше цепи, не будет привязывать. Всех целовала, подарки дарила. Она такой три раза в год бывает. Наурыз³⁶, Курбан-байрам, Ураза-байрам. Три дня в году бывает человеком, а больше не может.

Она сережки мне дала, а потом обратно забрала. Всем что-то подарила и обратно тут же забрала – на сохранение. Сказала, чтобы не украли. Сказала, вернет, когда мы закончим работу, когда деньги отдаст, когда домой соберемся. Все вернет.

А я смотрела на сережки эти и знала: это Олины. Когда повесилась, у нее нашли в тайнике.

Зияш. Я люблю их всех. Они с родителями общались каждый месяц. И ездили к ним родители, видели их, что все хорошо было, анау-мынау. Мама Лены приезжала, бабушка Ани приезжала. К Кате папа не приезжал – денег не было.

Я сама всех вызывала. Пусть приезжают, смотрят, дочки при деле, все деньги потом отдам, как закончится все, на дом хватит. Дом хочешь, машину? Работай, не ленись, Аллаха не забывай, слушайся хозяйку. Мама Тани приехала – посмотрела и рада была. Все родителей видели, никто не хотел от меня уезжать. Разве у меня плохой магазин? Все остаться хотят, анау-мынау.

Зияш обнимает крепко Карлыгаш, сидящую на качелях. Карлыгаш хочет вырваться из объятий, а Зияш не отпускает. Наконец Зияш ослабляет хватку – Карлыгаш отодвигается.

Карлыгаш. Я работала – а ко всем приезжали. Хозяйка наряжала всех красиво, не стригла. Только предупреждала: «Только хорошее говорите про магазин.

³⁶ Праздник нового года у тюркских народов.

Кормят часто, не бьют, Красную площадь видели, денег много зарабатываем». И девочки говорили. Под страхом говорили.

Мне Таня сказала: «У хозяйки родственник в Казахстане прокурором работает». Она маму свою видела, а та плачет: «Ничего не могу сделать». А бабушка Ани сказала ей: «Оставайся здесь, нам кормить тебя нечем». У всех по-разному.

И я поняла: нет надежды на родных. Слабые они. Только ты можешь быть сильной, больше никто. Я не плакала. А то хозяйка увидит – глаза выколет.

Зияш. Я спокойная была, весны ждала. Весной домой собиралась, мечеть обещали, к Наурызу готова должна быть. И мне на душе легко было, я знала: Аллах на моей стороне.

Сначала про Айгуль, сестру свою, подумала – ей магазин отдать. А потом поняла, на кого магазин оставить, – покупатель нашелся, партнер, «белым порошком» вместе занимались, анау-мынау. Солидный, богатый, а еще калым³⁷ знатный предлагает. Девочку мою захотел, а я смотрю на него – не подведет.

А в Казахстане михраб, шабестан, минбар³⁸, купол доделывают – мне сообщали, я радовалась. Когда к минарету приступили, тут я поняла: скоро, скоро. Я весны ждала, наш казахский Новый год близок был.

Карлыгаш. Аня самая красивая у нас была. Всех по пятницам брили, а ее нет – она красивая нужна была. Я к Ане подошла, говорю: «Может, уйдем?» Она про ребенка своего рассказывает. У нее ребенок в Казахстане был. Я слушаю, смотрю на нее – а она снова беременная. Ее больше всех использовали.

Она не говорила, а потом я узнала – Аню купить за-

³⁷ Выкуп за невесту у различных народов.

³⁸ Составные части мечети.

хотели. Солидный, богатый, калым знатный предложил. Бабушка ее согласилась, хозяйка согласилась – и Аню забрали. Хозяйка даже халат ей подарила с орнаментами.

Мы вечером собрались, водки выпили, порадовались. А потом пришла хозяйка и опять избивала нас. Ну как избивала... Смотрела только: я бью Свету, а Лиза – Таню.

Зияш. Мне за Аню барана привезли. Мы его порезали – удачный согым³⁹ получился. А ночью опять кто-то стекла в магазине бил, нацисты разные. Бомж какой-то умер, или за барана так они, Аллах их знает. Я Амантаю сказала, он двух наших привел, пусть в магазине сидят, следят.

Я полицию вызвала, своего, а тот бумажки показывает: «Вот заявления от жителей, забирай, надоели». Я их выбросила, а сама говорю: «Ко мне приходят, спасибо говорят, дешевый магазин, шаговой доступности. Что не так?» Мы выпили, он опять про бомжей. Ну что поделать? Я про мечеть сказала, он кивнул: «Молодец, апашка».

Карлыгаш. У меня цепь сняли, а я думаю: «Куда теперь?» Ко мне Ира, покупатель, приходила, женщина, одна жила. Другие не спрашивали, а она спрашивала: «Как дела, как муж, как ребенок?» Я ей продукты хорошие подбирала, картошку, виноград. Я подумала: «Мы друзья, наверно».

У меня шрамы по всей спине, а я знала, к кому пойду. Полиция – нельзя, я поняла. У нас тоже так, да везде так, наверно. Люди в форме по-другому себя ведут, словно сами на цепи. Я свободней, чем они, получается.

Ира мне поможет.

Карлыгаш опять слезает с качелей, *Зияш* пытается удержать ее за руку – но *Карлыгаш* отталкивает ее, вырывает руку и отходит от качелей. Смотрит зло на *Зияш*.

³⁹ У казахов заготовка мяса на зиму.

Карлыгаш. У меня первый раз был здесь. Это не Серик был, другой. Имени не знаю, лица не помню – напоила меня хозяйка. Все в той комнате было. Хочу забыть – не забываю.

Папа мне говорил: «Казашек всегда балуют, в детстве игрушки, заботятся, любят сильно-сильно. Потом мужней станешь, все наоборот будет. И балуют, пока время есть». А я думала: «Кто же джигит мой будет, парень кто мой, кто в кыз куу⁴⁰ меня догонит?»

А потом привыкла, и к той комнате привыкла. Только беременной не хотелось быть. Я знала: опять все как с Айжан будет.

Зияш. Это все догадки, сами виноваты, не лезьте ко мне, мужики всегда так делают, а им нравилось, анау-мынау. Знаю я, удовольствие лучше водки, и там камер не было, на их совести. Кто замужем, я туда не пускала: у кого мужчина – только с ним, я знаю порядки. А если порченная и ничейная, то жди гостей в своей «потайной юрте».

Мечеть уж скоро.

Карлыгаш. Моя смена была, я с вещами опять вышла незаметно – и по улице, там весна уже. Я дом знала, где Ира эта живет. Зашла в подъезд, села и ждать стала. День ждала, вечер наступил – и тут она появилась. По телефону говорит, на меня смотрит, я на нее. Она не узнала меня сначала, только в магазине и видела. Пошла в лифт, я за ней. Там все и рассказала.

Мы перед дверью ее стояли в квартиру, и тут меня стошнило прямо у лифта. Она говорит: «Чего ты, чего?» А я, как на качелях, вдруг слабая стала. Меня качает, а еще в окно взглянула – девятый этаж. Я так высоко не была.

Зашли в квартиру, и я попросила: «Включи музыку». Я давно музыку не слышала.

⁴⁰ Национальная конная игра (дословно – «догони девушку»).

Зияш. Моя мама рассказывала: папа ее, мой дед, скот пас. Уходил на джайляу⁴¹ каждый год, по два месяца, а они сидели в юрте, ждали, анау-мынау. Мы всегда отдельно были, у каждого своя юрта, не было народности, нации не было, враги мы друг другу были – за скот, за пастбища дрались. И дед мой дрался и не любил другого казаха, только семьей дорожил, а остальным не доверял.

И я своим не доверяла и проверяла всегда. Говорила Лене: «Скажи Ане, что сбежать хочешь». Та говорила. А Аня в ответ ей: «Я подумаю». Вот тогда я и захотела продать ее. И что, не права я? Стараешься ради них, защиту даешь, еду, спать где – а они сбежать думают.

А потом ко мне эту привели.

Карлыгаш. Я к обману привыкла. Пока в магазине была, знала: обман везде. Покупатель придет, немного обсчитаем, или Наташа себе из кассы денег возьмет – хозяйку обмануть. Света говорила: «Не буду тебя бить». Я отворачивалась, а она била. Я у Лизы ключ от туалета возьму на пять минут, а сама полчаса там сижу, отдыхаю. Аня говорила мне: «Пойдем сбежим, надоело». Я верила – а она хозяйке докладывала. И хозяйка била меня за мысли эти. Везде обман.

И когда я музыку у Иры слушала, а потом смотрю: в квартиру полицейский заходит. И я поняла все. Я сразу поняла.

Зияш. Вернули ее, покупатель какой-то, женщина, из местных. И я говорю Кате, я не била ее сначала, а просто говорю: «Кто тебе родной?» Нам всегда будет здесь плохо, если мы одни будем, если поодиночке, если Аллаха на другого поменяем. Мы вместе – огонь, и если нас будут растаскивать, как поленья, не будет костра. Так мулла мне сказал. А я ей говорила: «Зачем ты так со мной, зачем?!»

⁴¹ Летние пастбища в горах.

Зияш подходит близко к Карлыгаш, резко толкает ее. Та падает, лежит. Потом медленно садится на земле.

Карлыгаш. Я потом Ире говорю: «Зачем сдала?» А она говорит: «У вас яйца по тридцать рублей. Дешевые, нигде так нет. Магазин хороший, рядом совсем, пешком тут». Я опять стояла за прилавком, а она пришла. Как будто и не было ничего. Выбирала огурцы свои, на меня смотрела. А я ведь избитая опять была. Зубы мои.

У нас водку ночью можно взять, хлеб дешевле в два раза, не надо ездить в гипермаркет далеко – мы удобные, мы для всех удобные.

Почти для всех.

Зияш. Я думать стала, что дальше делать, анау-мынау. Куда ее теперь такую? Когда пришли, я ей зубы передние выбила, раскрошила и с молоком смешала. Пусть пьет и молчит. Пусть молчит теперь, рта не раскрывает, зубы свои не показывает. Надоела мне она.

А потом поняла я: это Аллах проверяет меня, жертву просит. Мы в ауле каждый год выбирали в стаде белого барана с отметиной на лбу – боз каска⁴². Резали и отдавали Всевышнему. И сразу все хорошо становилось.

Эта Катя «боз каска» была.

Карлыгаш. Она вызвала и сказала, что продает меня. Я разучилась рот открывать и молчала. У меня десять зубов отняли, самых красивых, я стояла и молчала. Она говорила, что так будет лучше – и для папы моего лучше. Обернулась, а в руках ее – деньги. «Это для папы твоего», – говорит.

Меня теперь стороной все обходили – Таня, Света, Лиза, даже Серик. Даже водки уже не давали, а это признак плохой. Чужая я, меня готовили. Когда Аню продавали, тоже так готовили. Водки не давали, волосы не стригли, работы меньше.

⁴² Баран для жертвоприношения.

А куда меня? Она сказала: «Потом узнаешь».

Зияш. В сауну за сто тысяч можно было отдать, только куда эту? Таню можно продать, видная такая, возьмут. А эту – нет. Мясистая, маленькая, голова круглая, да зубы еще эти. Южанка, с гонором.

Я у цыган спросила, они сказали, что подумают, – им дети нужны, а со взрослыми суеты много. А еще спросили: «Руки у нее есть?» Я поняла, анау-мынау. Без рук дорожке можно было отдать. Там просто.

А мечеть скоро. Я и билет домой уже купила.

Карлыгаш. Вечером я просрочку перебирала, она с ремнями пришла – три ремня кожаных было. Сказала встать, а потом начала руку завязывать правую. Прижала к плечу и тремя ремнями обернула. Посмотрела и сказала: «Теперь так ходить будешь».

Она ушла, а я села – просрочку одной рукой начала перебирать. Что я думала? Наказание такое. Захотелось ей так.

И я неделю так ходила. Я две недели так ходила. Потом и третья пошла – а я привыкла уже.

Карлыгаш встает, прижимает правую руку к телу. Ходит туда-сюда в таком положении. Зияш смотрит на нее угрюмо. Карлыгаш опять садится на землю.

Зияш. На третью неделю я сказала Амантаю, чтобы в клинику нашу ее вез, анау-мынау. Там все просто. Одна рука – это просто.

Карлыгаш. В тот день она сняла с меня ремни. А рука уже как чужая.

Зияш. Берешь барана боз каска, веревкой перевязываешь две передние и одну заднюю ногу вместе. Одна нога остается свободной, анау-мынау.

Но сначала нужно выбрать нож. Он должен быть острым и массивным, рукоятка удобной, чтобы не сколь-

зила по ладоням. Потом выкопать ямку глубиной по колено – туда кровь стекается. Потом связываешь барана. Голову его надо к Кибле⁴³, то есть в сторону мечети. Затем просишь прощения у животного и режешь ему горло.

Жанбас⁴⁴, тазовая кость, достается почетному гостю.

Карлыгаш. Ее хирург знакомый заболел, на завтра перенесли. Амантай отвез обратно в магазин – и меня посадили в чулан. А я уже все поняла. Завтра все будет по-другому.

Я про папу думала. Про деньги не думала, обман это. Я к обману привыкла, уже самой себе не верила. Я на нее злилась. Я придумала, что с ней можно сделать. Нельзя убивать, надо свободы лишить. В тюрьму, и пусть там живет. Я молиться начала. Пусть Аллах спасет. Пусть сделает что-нибудь. Пусть я умру. Пусть что-то изменится.

А потом я вспомнила, как меня зовут. Меня ведь не Катя зовут. Меня зовут Карлыгаш. Ласточка я. Карлыгаш.

Зияш. Замолчи ты. Тихо ты. Помолчи!

Карлыгаш. Я не Катя. Я не Катя! Меня зовут Карлыгаш! Меня зовут Карлыгаш!

Зияш. Я в тот день собрала всех и читала про Айюба⁴⁵. Он все вытерпел. Аллах детей его умертвил, богатство отнял, болезнь наслал – он терпел. Молился только. Аллах родственников отвернул, изгнанником сделал, с женой поссорил. А он верил в Аллаха, молился. И Аллах ему все вернул, вдвое больше.

Карлыгаш (тихо). Меня зовут Карлыгаш. Я – Карлыгаш.

Зияш. Айюб прожил долгую счастливую жизнь, Аллах подарил ему способность совершать чудеса. И в тридцать восьмой суре сказано: «Воистину, мы нашли его терпеливым. Прекрасный раб!» Прекрасный раб! Понимаете?

⁴³ В исламе направление в сторону Мекки.

⁴⁴ Тазовая кость барана, при угощении дается самому почетному гостю.

⁴⁵ Один из праведников в исламе, соответствует библейскому Иову.

Карлыгаш. Я слышала из чулана, как она читает. Потом наступила ночь, и все стихло. А потом что-то зашумело.

Качели вдруг сами по себе начинают раскачиваться. Карлыгаш сидит на земле и смотрит на качели. Зияш ходит вокруг качелей.

Зияш. В ту ночь я заснула. В первый раз за шесть лет заснула. Только ночью меня разбудили. Всех разбудили. А потом началось. Я думала, мне снится тот мой кошмар. Их много было, десятки. Я выбежала во двор... Они – за мной.

А последнее, что я помню, – в небе луна полумесяцем была. Как на мечети моей. Мечеть, я не увидела ее. Анау-мынау.

Качели раскачиваются сильнее, еще сильнее. Зияш пытается их остановить, прыгает вокруг них, но у нее ничего не получается. Подойдя слишком близко, Зияш получает по лицу железным углом и падает навзничь.

Карлыгаш смотрит на хозяйку угрюмо. Та лежит и не шевелится. Кровь растекается вокруг Зияш.

Карлыгаш. Это Аллах, он увидел и сделал так. По-другому никак. Только он так может.

Качели перестают раскачиваться, замедляются. Карлыгаш встает с земли, подходит к Зияш, смотрит на нее сверху вниз.

Качели останавливаются.

Там убили русского какого-то – и они пошли на магазин, бритые эти. Это не мы, мы ни при чем тут были. Только кто спрашивает? Никто не спрашивает.

Сначала стекла все разбили, потом дверь выломали, потом бить всех начали. А я в чулане сидела. Молодые такие, громкие и только кричат: «Россия для русских! Россия для русских!»

Они не нашли меня, других нашли. Таня, Света, Лиза, Серик, Амантай – всем плохо было. Их в больницу потом отправили. А Наташа убежала, мешок денег забрала. Только потом нашлась все равно. На Красной площади фотографировалась.

Карлыгаш подходит к качелям. Оборачивается к Зияш, лежащей на земле.

Она у качелей детских лежала во дворе. Много крови было, как она любила. Там уже скорая была и полиция. Еще музыка играла зачем-то. А ее больше не было, так Аллах решил. Анау-мынау.

Я смотрела на нее, на качели эти, а потом маму вспомнила. Они с папой на алтыбакане познакомились. Пошли гулять, там качели были, все вперемешку стояли, парни, девушки. И они вдвоем попали. Судьба такая. Они стояли с двух сторон и качались... Качались, качались... Качались... Качались...

Карлыгаш берется за качели и начинает их тихонько раскачивать.